

На правах рукописи

БУАСАЕНГ РАТТАНАПОРН

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКИХ ПАРЕМИЙ
С АНТРОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

Специальность 5.9.5 Русский язык. Языки народов России

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Воронежский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Заварзина Галина Анатольевна

Официальные оппоненты: **Ломакина Ольга Валентиновна**,
доктор филологических наук,
профессор ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», профессор кафедры иностранных языков филологического факультета
Никитина Татьяна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», профессор кафедры образовательных наук Института образования и социальных наук

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»**

Защита состоится «04» сентября 2025 г. в 13:30 на заседании диссертационного совета 24.2.288.10 в Воронежском государственном университете по адресу: 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 85.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» и на сайте <http://www.science.vsu.ru> (вкладки Наука – Защита диссертаций).

Автореферат разослан « ___ » _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю. А. Стародубцева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Активизация интереса к языковому феномену паремий, под которыми мы понимаем совокупность пословиц, поговорок и примет, является одной из доминирующих черт современной отечественной и зарубежной лингвистики, для которой характерно обращение к человеческому фактору в языке, постановка и решение таких проблем, как взаимоотношение языка и общества, взаимосвязь языка и духовной культуры народа, народного менталитета и творчества. «В пословицах и поговорках нашла отражение вся многогранная жизнь народа, все сферы деятельности человека со сложностями бытия и его противоречиями. Центральной фигурой в них всегда выступает человек в своих различных проявлениях — во всём своём блеске и во всех своих неприглядностях» [Зимин 1996, с. 3].

Вместе с тем в эпоху формирования в человеческом сознании понимания важности решения задач по сохранению этносоциокультурной идентичности повышается интерес к паремиологии, поскольку в ситуации лингвокогнитивной информационной войны вопросы изучения витальности русской национальной культуры приобретают все более важное значение. Исследование языкового статуса и лингвистических особенностей паремий с антропонимическим компонентом находится в рамках актуальной проблематики «язык и общество», позволяет обозначить этнокультурную специфику имени собственного в такой сложной языковой единице, как паремия, и помогает ощутить принадлежность к конкретному этносу, который вырабатывает собственный этнокультурный ценностный код с декларацией речеповеденческих принципов взаимодействия с миром посредством языка. «Паремии как знаки непрямого номинирования обладают особой аурой, семиотическим репрезентантом народного духа» [Алефиренко, Семененко 2017, с.25].

Как известно, антропонимы в системе языка составляют подкласс имен собственных, куда входят личные имена, фамилии, патронимы, псевдонимы, прозвища. Основная их функция состоит в назывании и идентификации конкретного человека, однако в культуре антропонимы часто используются для обобщения и типизации людей по внешнему виду, характеру, социальному поведению. «Люди чувствуют в индивидуе черты типа. Это отвечает постоянно возникающей потребности в типизации объектов. В этом случае тип задается индивидуом (образом индивида) На имя собственное переносятся субъективные импликация» [Арутюнова 1998, с. 302].

Антропонимы как знаковый стержневой компонент паремий, являющийся «индексом стереотипных представлений, которые

отражены в образной семантике пословиц, идиом и загадок» [Ковшова 2019, с.308], играют важную культурно-языковую роль, с одной стороны, «обладают обобщенной референцией, выступая средством концептуализации объектов и типизации их свойств, а с другой – имеют свои особенности референции в зависимости от типа паремиологического пространства, в которое включены и являются дискурсивно маркированными единицами фольклора» [Ковшова 2019, с. 149]. Тем самым собственные имена в составе паремий являют собой особый, антропонимический, код культуры и в качестве такового кодируют ценности и антиценности, ассоциирующиеся в коллективном сознании с именословом персон и персонажей в мировой и национальной культуре [Там же].

Несмотря на устойчивость паремийного фонда в языке, способы воздействия на потенциальную аудиторию трансформируют структуру и семантику паремии, в том числе паремии с антропонимическими элементами, и обуславливают формирование новых устойчивых конструкций, отражающих творческие возможности русского народа. Характеризуя современную эпоху развития русского языка как период «карнаваллизации», В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова отмечали, в частности, отмену осторожности в выборе выражений, гипертрофированное обращение к образным средствам выражения и, что важно, необходимость знания и понимания для успешной коммуникации прецедентных текстов [Костомаров, Бурвикова 2001, с. 7–16].

Степень изученности проблемы.

Имена собственные в русских пословицах и антропонимические пословицы изучались в работах О.П. Альдингер, В.М. Глухих, М.Л. Ковшовой, Т.Н. Кондратьевой, О.Г. Твердохлеб, О.А. Образцовой и др.

Способы индивидуально-авторского преобразования поговорок и пословиц, характер изменений их концептуального содержания и стилистического и прагматического эффекта описаны в работах Н.Ф. Алефиренко, Е.В. Блиновой, И.И. Боровой, Х. Вальтера, В. Дубичинского, О.В. Залесовой, Е.Е. Иванова, Ф.И. Карташковой, Е.А. Колобовой, О.В. Ломакиной, А.И. Лызлова, А.М. Мелерович, В. Мидера, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой, Е.И. Селиверстовой, Н.Н. Семененко, М.А. Серegiной, И.Ю. Третьяковой, М.А. Фокиной и др. Паремиологические трансформы в качестве лингвоэстетического феномена исследовались в трудах Л.К. Байрамовой, В.Т. Бондаренко, Ю.В. Бутько, Т.И. Дамм, Н.Н. Федоровой, А.М. Эмировой и др.

Вопросы функционирования пословиц и поговорок в средствах массовой информации и в художественных текстах затрагивались в работах А.М. Мелерович, Т. А. Наймушиной, Н.Ю. Губайдуллиной, Е. В. Ничипорчик, М.Е. Жуковой, М. В. Саблиной, Л. Б. Савенковой, Е. И. Селиверстовой, О. Б. Абакумовой, Е.В. Проскуряковой, С.В. Птушко, В. В. Горлова, В.Н. Вакурова, А.Ю. Белецкой, Н.Г. Михайловской, Н.Н. Федоровой, А.А. Якименко, Е.К. Николаевой, Н. Кваша и др.

В современную эпоху появился целый ряд лексикографических изданий, отражающих реальную жизнь новых пословиц и поговорок: Вальтер Х., Мокиенко В. Пословицы русского субстандарта (2001); Мокиенко В.М. Школьный словарь живых русских пословиц (2002); Словарь русских пословиц: около 1000 единиц / под ред. В.М. Мокиенко (2007); Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Русско-белорусский паремиологический словарь (2007); Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость (2011); Адамчик М.В. Антипословицы и афоризмы (2012); Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова, Х. Вальтер, Н.Ф. Венжинович, М.С. Гутовская, Е.Е. Иванов, В.М. Мокиенко (2014); Вальтер Х., Малински Т., Мокиенко В., Степанова Л. Русская фразеология для немцев (2015); Вальтер Х., Мокиенко В., Е.С. Громенко и др. Словарь русских ковидных антипословиц-карантинок// Словарь русского языка коронавирусной эпохи (2021). С максимальной полнотой представлены неопаремии (более 2000 единиц) в словаре «Антипословицы русского народа» (2005) Х. Вальтера и В. М. Мокиенко. Необходимость включения подобных трансформов в словари аргументируется, с одной стороны, несомненной их связью с пословицами-прототипами и, следовательно, важностью трансформации как свидетельства актуальности паремии, принадлежности ее к «доминантам» своего времени. С другой стороны, это демонстрация единиц нового жанра — антипословиц, фиксация важного социокультурного процесса из сферы «смеховой культуры», близкого к пародированию, разрушающего старые и вырабатывающего новые стереотипы [Вальтер, Мокиенко 2021].

Однако комплексное описание языковых особенностей системы классических антропонимических паремий, представленных русскими народными пословицами, поговорками и приметами, их трансформантов и новых паремиологических единиц, проведенное на материале современных масс-медийных и интернет-текстов, еще не было предметом специального рассмотрения в научных

лингвистических исследованиях, что и обуславливает актуальность настоящей работы.

Современные ученые отмечают, что «если в прошлом веке основной целью изучения пословиц и поговорок было познание "духа народа", то с укреплением фразеологии как лингвистической дисциплины...стали интересоваться и чисто языковые особенности фразеологизмов и паремий...» (Мокиенко 2011, с. 34), а также их употребление в публицистическом и интернет-дискурсах.

Кроме того, весьма адекватным видится изучение традиционного и новейшего паремиологического фонда в неразрывном единстве, в системе, чтобы отразить истинную картину современного бытования пословиц. Зафиксированные речевые ситуации дают понимание того, что традиции воспроизведения классических и новейших вариантов сосуществуют, а потому их разделение неправомерно [Жигарина 2006, с.8].

Актуальность исследования определяется:

1) значимостью для современной русистики лингвистического исследования провербиального антропонимического фрагмента русской языковой картины мира, позволяющего обнаружить уникальные характеристики русского народа или определенного типа языковой личности и способствующего познанию языка и культуры как целостного феномена;

2) непредставленностью специальных обобщающих работ, посвященных проблемам комплексного описания организации и типологических языковых особенностей классических, обновленных и новых паремий (пословиц, поговорок, примет) с антропонимическим компонентом и основных тенденций их развития в русском языке 2000 – 2025 гг.;

3) отсутствием единства терминологического аппарата в современной паремиологии (пословица, поговорка, паремия, трансформированная паремия/ паремийный трансформант, новая паремия/ неопаремия/ антипаремия/ антипословица и др.) и необходимостью репрезентации структурно-грамматических и функционально-семантических параметров трансформированных и новых паремий в разных типах масс-медийных текстов, поскольку «весь паремиологический фонд ...является, по сути, зоной суперпереходности, в которой крайне затруднительна классификация как самих видов паремий, так и разного рода проявлений системности по отношению к ним» [Семененко 2005, с. 206];

4) снижением интереса русского человека к антропонимическим паремиологическим единицам и необходимостью продвижения

пословичного материала, как бесценного источника знаний о системе ценностей русского народа, в современное речевое пространство.

Объектом диссертационной работы является система паремиологических единиц русского языка с антропонимическими компонентами, которая включает классические, трансформированные и новые паремии и образует «нечто вроде сети, отфильтровывающей информационный поток и улавливающей в нем узнаваемые и релевантные «сгущения смысла», в чем проявляется базовая аксиоматика естественного языка.

Предметом исследования являются структурно-грамматические и функционально-семантические особенности традиционных, трансформированных и новых паремий (поговорок, примет), объединенных общностью антропонимического компонента.

Изучение единиц паремиологического фонда без учета особенностей их функционирования является достаточно однобоким и зачастую даже малопродуктивным, так как не отвечает базовым методологическим принципам комплексности, системности и взаимодополняемости [Федуленкова 2011, с. 206]. Мы считаем целесообразным аргументированно продемонстрировать насущную необходимость изучения паремий в рамках их функционально-прагматической направленности. основополагающим принципом в образовании и функционировании паремий стало утверждение Л.В. Щербы о том, что в языке появляются новые смыслы, а не сумма смыслов, получившаяся в результате их сложения, и эти правила значительно важнее правил синтаксиса [Щерба 2004, с. 24].

Гипотеза исследования состоит в следующем: современный русский язык испытывает мощные нагрузки вследствие агрессивности интернет-коммуникации, что приводит к переосмыслению паремий с антропонимическим компонентом и созданию новых паремийных единиц. При этом их ключевой характеристикой становится расширение ассоциативных значений, что обусловлено такими базовыми характеристиками человеческой личности, как любопытство, индивидуализм и др., и это делает паремии с антропонимическим компонентом более привлекательными и ориентированными на конкретную целевую аудиторию.

Целью диссертационной работы является исследование структурно-грамматических и функционально-семантических особенностей цитируемых, трансформированных и новых паремий с антропонимическим компонентом и основных тенденций их развития в масс-медийном дискурсе 2000-2025 гг.

Заявленная цель предопределила постановку следующих **задач**, которые последовательно решаются в диссертационной работе:

1) представить аналитический экскурс в историю формирования паремиологии как лингвистической науки, охарактеризовать особенности паремиологической картины мира русского народа и описать способы пополнения паремиологического фонда современного русского языка;

2) уточнить понятия «цитируемая паремия», «трансформированная паремия» и «новая паремия» и предложить критерии их разграничения;

3) охарактеризовать особенности структурно-грамматического, лексико-семантического, функционально-стилистического оформления и тематической организации русских паремий с антропонимическим компонентом;

4) выявить и описать особенности цитирования паремий в масс-медийных текстах, представить направления их трансформационных преобразований и формирования новых паремических единиц;

5) представить и исследовать основные модели новых паремий с антропонимическим компонентом в русском языке XXI века, их назначение в тексте и процессы развития, в том числе динамику имен собственных.

Методологической базой исследования послужили:

- исследования по теории паремиологии (работы В.П. Жукова, Н.Ф. Алефиренко, А.М. Бабкина, О.А. Блохиной, О.Б. Абакумовой, Е.А. Яковлевой, А.М. Мелерович, Л.В. Бурмистровой, В.Н. Телия, М.Л. Ковшовой, О.В. Ломакиной, П.С.Дронова, Т.Г. Никитиной, Е.Е. Иванова, О.В. Гергель, Д.Р. Захаровой, Г.А. Заварзиной, Л.Б. Кацюбы, Р.А. Майтиевой, Д.А. Писаренко, И.В. Приваловой, С.Н. Саввиновой, Н.Н. Семененко, В.И. Чулковой, С. Цуй, Х. Вальтера, В.М. Мокиенко, Г.Л. Пермякова, В. Дубичинского, В.И. Карасика, М.Ю. Котовой, О.Н. Антоновой, У.А. Ворониной, М.В. Влавацкой, Е.А. Демидкиной, О.А. Хопияйнен, Н.Н. Семененко, Н.В. Филимоновой, И.И. Чернышевой, Э.Л. Шубиной, Т.Г. Бочиной, М.А. Бредиса, С.Г. Гаврина, М.А. Кульковой, Е.В. Ничипорчик, W. Mieder, E. Gossler, B. Stevenson, A. Sitarski и др.);

- работы по изучению языковой и паремиологической картин мира (работы Б.Н. Путилова, Е.Л. Березович, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, Е.И. Головановой, И.А. Голованова, М.В. Пименовой, С. Яковлевой, В.А. Масловой, В.И. Карасика, Т.Б. Радбиля, Л.Б. Савенковой, Г.Д. Гачева, А.А. Зализняка, А.Д. Шмелева, Е. Бартминьского, Н. Д. Арутюновой, В. Н. Телия, Н.А. Бесединой, З. Д. Поповой и И.А. Стернина, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Е.Л.

Березович, О.А. Дормидонтовой, С.В. Лескиной, Н.В. Масалевой, Н.Н. Гончаровой, В. В. Шкаговой, Л.Б. Карпенко, М.З. Кумаховой, Т. В. Вершининой, Р.Х Хайруллиной, Н.Ю. Нелюбовой и др.);

- исследования по антропонимике (работы А. А. Уфимцевой, Д. И. Руденко, А. В. Суперанской, О.В. Ломакиной, А. Д. Шмелева, М. В. Горбаневского, Н. Д. Арутюновой, В. И. Болотова, С. И. Гарагуля, Д. Б. Гудкова, Д. И. Ермолович, М. Девитт, Г. Иванс, С. Крипке, Дж. Серл, А. В. Суперанской, В.М. Мокиенко, М.Л. Ковшовой, Е.М. Мелетинского, Т.Н. Кондратьевой, А.И. Новикова, Т.Г. Бочиной, З.К. Тарланова, У.Н. Решетневой, М.М. Вознесенской и др.).

Исследовательская база диссертационной работы составила: 751 русская паремия с антропонимическим компонентом, извлеченная из словарей пословиц, поговорок и примет методом сплошной выборки, и 968 масс-медийных и интернет-контекстов, в которых они употреблены.

Для формирования языковой базы исследования использовались следующие словари: Даль В. Пословицы русского народа: сборник (М., 1996); Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки (М., 1961); Жигулёв А.М. Русские народные пословицы и поговорки (М., 1969); Русские пословицы и поговорки / сост. А. И. Соболев (М., 1983); Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок (М., 1991); Русские пословицы и поговорки: учебный словарь / В.И. Зимин, С.Д. Ашурова и др. (М., 1994); Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи (М., 1999); Иллюстров И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок (М., 2019); Катермина В. В. Русские имена собственные в загадках, паремиях, фразеологизмах и художественных текстах: словарь (М., 2020); Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / сост. и авт. Г. Д. Рыженков (М., 1991); Русский народный календарь. Обычай, поверья, приметы на каждый день / сост. Н. В. Белов (М., 2010).

В качестве вспомогательных материалов для определения семантики паремийных единиц в работе использовались материалы следующих лексикографических изданий русского языка: Большой словарь примет/ Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева, Н. Н. Иванова (М., 2009); Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина (М., 2013); Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа (СПб, 2005); Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. Русские пословицы (М., 2011); Мокиенко В. М. Школьный словарь живых русских пословиц (СПб, 2002); Петровский Н.А. Словарь русских личных имен (М., 2000); Суперанская А.В. Словарь

русских личных имен (М., 2005); Мокиенко В.М., Вальтер Х. Большой словарь русских прозвищ (М., 2007); Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь; под ред. В.М. Мокиенко (М., 2007). Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы) /сост. В. М. Мокиенко, Х. Вальтер (М., 2006); Иванов Е.Е. Антипословицы Рунета: типология и словарь (Минск, 2009); Вальтер Х., Мокиенко В. М. Словарь русских ковидных антипословиц-карантинок// Словарь русского языка коронавирусной эпохи (СПб., 2021).

Для создания базы трансформированных и новых паремий и исследования особенностей их функционирования в речи использовались материалы центральных и региональных средств массовой коммуникации и интернет-изданий, в том числе данные социальных сетей (напр., ВКонтакте и др.), форумов и чатов.

Для решения поставленных задач в работе использовались следующие **методы**: лингвистического наблюдения и описания, которые включают в себя системное (в том числе сопоставительное) рассмотрение единиц; анализа словарных дефиниций; синхронно-диахронического и контекстуального анализа языкового материала; количественного анализа, позволяющие выявить частотность употребления исследуемых антропонимов в паремиях и паремий в текстах; лингвокультурологического анализа языкового материала.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней:

- впервые представлено комплексное исследование русских классических паремий (поговорок, пословиц, примет) с антропонимическими компонентами, учитывающее их структурно-грамматические, лексико-семантические и функционально-стилистические характеристики;

- впервые исследована и описана система имен собственных, отраженная в русском паремийном антропонимиконе, а также их динамика в современном масс-медийном и интернет-пространстве;

- впервые выявлены и описаны важнейшие тенденции развития антропонимических паремий на материале русского языка первой четверти XXI века.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании критериев, лежащих в основе разграничения паремийного трансформанта и новой паремии, а также принципов систематизации паремиологических единиц в составе антропонимического фрагмента русского проverbsиального пространства. Кроме того, работа вносит вклад в развитие научных представлений о фонде актуальных паремий, об особенностях русских цитируемых, трансформированных и новых паремий и тенденциях их развития в современном русском языке,

связанных с процессами политизации языка как значимого явления в русском языке и жизни российского общества.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты могут найти свое применение в преподавании языкознания, лексикологии, фразеологии, лингвокультурологии, ономастики, в практике словаростроения при подготовке лингвострановедческих словарей и справочников русских паремий и формировании паремиологических минимумов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Язык классических паремий отражает систему традиционных ценностей русского народа, ориентированных на превосходство духовного над телесным, общественного над индивидуальным, божественного над атеистическим. Антропонимические компоненты в паремиях играют важную роль в репрезентации их адресата и служат средством оформления вариантов интерпретации значимых для русской культуры смыслов.

2. Совокупность русских паремиологических единиц (поговорок и примет) с антропонимическим компонентом представляет собой динамическую подсистему, отличающуюся открытостью и способностью к эволюционированию. Развитие антропонимического фрагмента русского провербиального пространства в современном русском языке происходит по трем основным направлениям: цитирование паремий при сохранении устойчивой исходной визуальной формы, реализация их эволюционных возможностей, инициирующих появление трансформированных вариантов, и формирование новых структурно-смысловых единиц.

3. Цитируемая поговорка выступает семантическим репрезентантом представленной в масс-медийном дискурсивном пространстве ситуации, в сжатой форме отражающем ее суть и особенности. При цитировании традиционных паремий в современных средствах массовой коммуникации наблюдается полная или частичная адаптация их семантики и коннотативного облика основной теме и оценочности принимающего текста и идентичность личных имен. В современную эпоху происходит актуализация классических поговорок и поговорок с компонентом Бог и народных примет.

4. Трансформированные паремии представляют собой результат формального преобразования классических паремий, который находит отражение в динамических процессах лексико-фонетического и лексико-грамматического характера. Лексико-фонетические преобразования заключаются в замене какого-либо паремийного компонента традиционной паремии на новый, подходящий по

ритмическим особенностям и усиливающий экспрессивно-оценочный фон. Лексико-грамматические трансформации традиционных паремий связаны с изменением: 1) их общей функциональной направленности; 2) структурного оформления; 3) грамматических показателей компонентов паремии. Границы между подобными трансформационными разновидностями являются достаточно условными, поскольку чаще всего изменения затрагивают сразу несколько уровней структуры высказывания. В трансформированных паремиях используются раритетные имена собственные, которые, как и в традиционных паремиях, являются несемантизированными или могут обнаруживать контекстуальный персонифицированный характер при совпадении с именем героя публикации.

5. Новые антропонимические паремии (или неопаремии) представляет собой речевые единицы, созданные в результате значительного видоизменения семантики исходной пословицы, которая получает нестандартные формы выражения, но ее «классическая» модель легко воспроизводится в речи или ассоциируется с ней благодаря соблюдению классических ритмомелодических и/или синтаксических законов. Выделяются четыре разновидности неопаремий: 1) новые антропонимические паремии, образованные на основе паремии без антропонима по моделям «русская классическая паремия + имя собственное → антропонимическая паремия», «русская классическая паремия + имя собственное A1 + имя собственное A2 (+ имя собственное A3) → новая антропонимическая паремия»; 2) новые паремии с раритетным или новым антропонимом, сохраняющие структурные особенности традиционных классических паремий, однако включающие в свой состав новые лексические единицы; 3) новые антропонимические пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий или их приземленными вариантами; 4) новые антропонимические паремии, не имеющие структурно-семантического классического прототипа, однако напоминающие классические пословицы по синтаксису и/или ритмико-интонационным особенностям.

6. В новых паремиях находят отражение проблемы российской внутрисполитической и международной деятельности и отрицательные явления жизни современного общества (снижение уважения к святым, чрезмерное внимание к физической красоте, наркомания, игромания, интернет-зависимость и др.), вербализуются табуированные темы и используются персонифицированные имена собственные (фамилии наиболее влиятельных политиков, общественных деятелей, реже – имена героев мифологической и художественной литературы, кино- и

мультипликационных фильмов). Преобладание имен и фамилий политических деятелей как важнейшего элемента в структуре неопаремий (новых пословиц, поговорок и примет) отражает одну из важнейших тенденций развития современного русского языка, связанную с процессами политизации как значимого явления в русском языке и жизни российского общества.

7. Незамкнутость рядов трансформированных и новых русских антропонимических паремий, высокий уровень вариативности структуры и используемых в них компонентов (в первую очередь имен собственных) свидетельствует о жизненности и неумещающейся актуальности пословиц и поговорок русского народа и является ярким отражением динамики антропонимического фрагмента паремиологического фонда русского языка, что соответствует общим тенденциям развития паремиологического фонда в целом.

Апробация диссертационного исследования. Результаты работы были представлены на международных и всероссийских научно-практических конференциях в Воронеже (2022, 2023, 2024, 2025), Москве (2023), на междисциплинарных семинарах, конференциях и заседаниях кафедры в Воронежском государственном педагогическом университете (2021-2025).

По теме исследования опубликовано 5 работ, в том числе 3 из них в российских журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет».

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются цель и задачи, объект и предмет исследования, выдвигается исследовательская гипотеза. Введение содержит также сведения о материале и методах исследования, обозначаются положения, выносимые на защиту.

В главе I **«Языковая проблематика современной паремиологии»** освещаются вопросы, касающиеся истории становления паремиологии как лингвистической науки; уточняется

понятие паремии как языкового феномена, определяется ее сущность и основные характеристики, выявляются особенности пословиц, поговорок и примет в системе лингвистического знания; рассматривается понятие языковой картины мира и дается обоснование необходимости выделения в ней паремиологической картины мира; предлагается типология способов пополнения общего паремиологического фонда современного русского языка.

Как известно, паремиология прошла длительный путь в процессе становления как лингвистической науки. Можно выделить основные исторические этапы ее формирования, каждый из которых имеет свои особенности: первый этап (XVII – XVIII вв.) характеризуется началом целенаправленной работы по сбору русских пословиц, второй этап (XIX век) связан с углубленным исследованием паремийного фонда русского языка, в том числе в лингвокультурологическом аспекте. Третий этап (начало XX – конец XX вв.) целесообразно разделить на два подэтапа, в рамках которых исследуется специфика единиц пословичного характера: анализируются особенности жанровой принадлежности паремий; идет активная работа по составлению и изданию словарей русских пословиц и поговорок; решается проблема выделения паремиологии как самостоятельного научного лингвистического направления; предлагаются различные классификации паремий как языковых феноменов; анализируется структура и семантика пословиц; выявляются коммуникативно-прагматические особенности единиц пословичного характера; рассматриваются вопросы вариативности и клишированности пословиц. Для четвертого, или современного, этапа (нач. XXI – первая четверть XXI в.) характерна актуализация исследований пословиц и поговорок, направленных на выявление их коммуникативно-прагматического и трансформационного потенциала.

В рамках исторических этапов применялись разные языковедческие подходы к исследованию паремиологических единиц: лингвистический подход; лингвокультурологическое направление в исследовании паремий в русском и иных языках, историко-этимологический, концептуальный, коммуникативно-прагматический (или функциональный) подход, - анализ которых позволил взять за основу в настоящем исследовании принятое в лингвистических работах целого ряда ученых (см. работы А.И. Смирницкого, Е.С. Кубряковой, Г. Л. Пермякова, Н. Н. Амосова, З. К. Тарланова, В.П. Жукова, Е. М. Верещагина, Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Фаттаховой и др.) положение о необходимости разграничения фразеологии и паремиологии по признакам семантической эквивалентности, номинативности, образно-

логическим и коммуникативно-прагматическим особенностям и признать большую синтаксическую сложность паремий как знаков ситуаций между вещами.

Неоднозначность понимания сущности и объема понятия паремии как языкового феномена была решена в диссертационном исследовании с позиции широкого подхода (ср. работы О.В. Ломакиной, Т.Г. Никитиной, Г.Л. Пермякова, Т.А. Гридиной, Н.Е. Коноваловой, Е.Е. Иванова и др.), определяющего состав паремиологического фонда за счет пословиц [«логически законченных высказываний (клише замкнутого типа), устойчивых в языке и воспроизводимых в речи, представляющих собой простое или сложное предложение, имеющих одновременно буквальный и переносный план (или только переносный/ или только буквальный), подчиняющихся законам синтаксической структуры языка и имеющих рекомендательную силу или комментирующий характер» - Селиверстова 2010], поговорок [«неполных или коротких предложений, имеющих менее ясно выраженный, чем пословица, характер сознательной ссылки на опыт предшествующих поколений» - Аничков 1964, с. 40] и примет [«максимально близким к пословицам по способности выражать умозаключения единиц, употребляющихся в речи для указания на сложную систему связей прошлого и будущего, познаваемого и непознанного» - Никитина 2008, с.74], обладающих прототипическими признаками воспроизводимости, устойчивости, предложенческой структуры, прецедентности, полифункциональности, семантической автономности подвижности, прагматичности, метафоричности, специфического ритмо-фонетического оформления и др. Пословицы и поговорки как основные разновидности паремий в свою очередь различаются с точки зрения грамматики (пословица – это законченное назидательное суждение, поговорка – элемент суждения) и семантики (для пословиц планом содержания является сложная смысловая структура с прагматической составляющей, а план содержания поговорок близок к фразеологически связанному значению и представляет собой образно выраженное значение идиоматического характера).

В настоящем исследовании термины пословица и поговорка используются недифференцированно, при этом понимается разница между этими двумя понятиями: «невозможность четко определить границы паремий связана не только со сложностью и разнородностью единиц, входящих в это понятие, но и с недостаточным отражением современного паремиологического фонда в словарях и корпусах» [Мокиенко 2010].

Несомненно, что паремиологические единицы представляют собой репрезентацию значимых для этнокультурной языковой картины мира ценностей, что позволяет современным исследователям рассматривать паремиологическую картину мира как часть языковой картины мира и связывать ее с той частью национальной концептуальной сферы, которая воплощает основные ценности культуры народа. Совокупность разных по времени происхождения и различных по степени значимости и актуальности в современной речевой практике народных пословиц и поговорок образует паремиологический фонд русского языка, который, на наш взгляд, может подвергаться изменениям, обусловленным динамическими процессами общественной жизни. Для обозначения явлений развития паремиологического фонда русского языка в настоящей работе используются термины «трансформированная паремия» (или паремия-трансформант) и «новая паремия» (или неопаремия). При этом *трансформированную паремию* мы получаем в результате формально-структурного преобразования русских классических паремий. *Новая антропонимическая паремия* понимается в работе как речевая единица, созданная в результате значительного видоизменения семантики исходной пословицы, которая получает нестандартные формы выражения, но ее «классическая» модель легко воспроизводится в речи или ассоциируется с ней благодаря соблюдению классических ритмомелодических и/или синтаксических законов.

Глава II **«Языковые особенности и структурные модели русских паремий с антропонимическим компонентом»** посвящена описанию структурно-грамматических и лексико-семантических особенностей русских паремий с антропонимическим компонентом: исследованы основные модели организации классических пословиц и поговорок, содержащих имя собственное, выявлено своеобразие тематической организации и семантики народных примет, а также представлена типология функционирующих в паремиях антропонимов, которые рассматриваются в аспекте их этнокультурной специфики.

Анализ этимологических сведений об именах собственных, функционирующих в составе традиционных русских паремий, позволил установить, что антропонимы в паремийном именнике представлены заимствованиями из разных языков [прежде всего из греческого (*Богат Мирошка, а животов – собака да кошка*), древнееврейского (*В людях Ананья, а дома каналья*) и латинского (*Правда к Петру и Павлу ушла – а кривда по земле пошла*)]; они распространились в народном обиходе после принятия христианства и традиционно воспринимались как собственно русские.

С функционально-семантической и структурной точек зрения антропонимы, функционирующие в традиционных русских паремиях, представлены личными христианскими именами в их неканоническом, повседневном виде (*У Фили пили, да Филю ж побили*); антропонимами, связанными с религией (*Адам зло сотворил, рай затворил*), и реже - именами исторических лиц (*И Мамай правды не съел*). Установлено, что наиболее частотными именами, отмеченными в русских паремиях, являются *Иван, Фома, Егор, Яков, Макар, Федот; Тит; Адам, Петр, Пахом; Кузьма, Емельян, Семен; Арсений, Ерема, Никола, Михаил, Филат; Варвара, Маша (Мария), Маланья, Акулина; Анастасия, Анна; Марина, Макрида, Федора*.

Значительную в количественном отношении группу формируют паремии со словом Бог (105 паремий со словом Бог с прописной буквой), которое включено в состав антропонимов на основе семантического и грамматического критериев (вследствие признания единичности и уникальности понятия): «...именно в монотеистических религиях оно используется для указания на единственный объект — единого Бога, — а не как обозначение для класса объектов, удовлетворяющих концепции бытия Богом» [Черняк 2016, с. 80]. Бог в русских пословицах и поговорках обозначает высшую силу, управляющую миром и его обитателями, а также имеет значения, связанные с моралью и духовностью (*Бог накажет, никто не укажет. Бог видит, кто кого обидит. Бог полюбит, так не погубит*).

Исследование грамматических особенностей исследуемых паремий позволило выявить специфику их грамматической структуры и установить преобладание паремий - сложных предложений (в первую очередь сложносочиненных с противительными союзами и наиболее частотные модели построения: «притяжательное местоимение (наш) + антропоним» (*Наш Андрей никому не злодей*), «определятельное местоимение (всякий, каждый) + антропоним» (*Всяк Еремей про себя разумеи!*), «относительное местоимение (каков/какова) + антропоним + указательное местоимение (таков/такова)» (*Какова Аксинья, такова и ботвинья*), «предлог (у, по, на, с) + антропоним» (*У Сидора обычай, а у Карпа свой*), «глагол в повелительном наклонении + антропоним» (*Не грози, Кузьма, не дрожит корчма*), «антропоним Бог + глагол» (*Бог видит, да нам не сказывает*)).

В главе III «**Современные динамические процессы в развитии русских паремий с антропонимическим компонентом**» представлено исследование важнейших динамических процессов в развитии русских паремий с антропонимическим компонентом: охарактеризованы разновидности и дискурсивный потенциал

цитируемых в средствах массовой коммуникации русских антропонимических паремий; выявлены основные направления трансформаций антропонимических паремий и предложена классификация новых пословиц и примет, функционирующих в масс-медийном и интернет-пространстве.

Анализ особенностей русских паремий с антропонимическим компонентом позволил констатировать, что исследуемое паремиологическое пространство в русском языке новейшего периода представлено тремя группами паремий: цитируемые и трансформированные пословицы и поговорки, а также неопаремии, которые являются способом творческого переосмысления ценностей, заложенных в пословицах и поговорках (рис. 1)

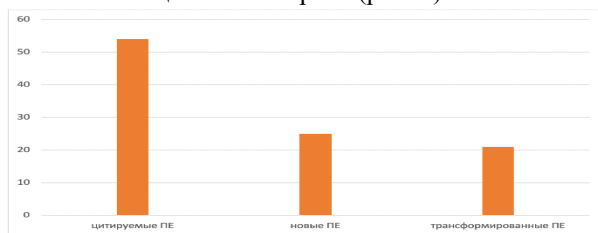

Рис.1. Тенденции развития современных антропонимических паремий

Цитируемые классические пословицы и поговорки наиболее часто встречаются в публикациях, освещающих тематические области «Политика» [в первую очередь «Дипломатия и международные отношения», «Государственное управление», «Социальная политика», (*«Не по Сеньке шапка: бизнесмен Пригожин назвал губернатора Беглова управленцем крайне низкого уровня»*); *«Ехал к Фоме, а заехал к куме при описании схемы объезда Синих мостов в городе Калуга, закрытых на реконструкцию»*]; *«Мели, Емеля, твоя неделя: Сенатор пословицей ответил на угрозу Киева “выдворить” россиян из Крыма»*), «Специальная военная операция» (*«Здесь бережёного бог бережёт», — говорит боец батальона с позывным Маяк»*; *«Мы русские. С нами Бог»: бойцы разных конфессий вместе воюют за Россию»*)], «Церковь и вера» (*«С Богом пойдешь — до блага дойдешь: 19-го апреля 2023 года паломники из Мантуровского района Михайло-Архангельского храма»*), «Быт» (*«Был Иван, а стал болван: еще раз о вреде алкоголя»*)) как наиболее важные и актуальные сферы, интересующие современного русского человека.

Приметы находят отражение в российских центральных изданиях и используются для передачи информации об особенностях погодных условий и праздниках, в региональных СМИ они были всегда весьма востребованным материалом в силу традиционной

привязанности сельских жителей к миру природы и зависимости сельскохозяйственных работ от погодных условий, которые крестьяне соотносили с народными обычаями («Дороги развезло так, что сам Филипп к печи прилип. Завтра, 24 октября, в церкви величали днём памяти святого Филиппа»; «Не каждое лето до Федоры дотянет. Нынче благоволит сентябрь крестьянскому труду. Хоть в поле, хоть в огороде – работай засучив рукава»). Активное функционирование примет с антропонимами в масс-медийных текстах является показателем бережного отношения современного человека к культурному прошлому русского народа и демонстрирует уважение к его традициям.

Анализ показателей соответствия плана содержания паремии тематике публикации позволил установить полное соответствие смысла паремии основной теме масс-медийного текста (паремия логично встраивается в высказывание, способствует раскрытию его содержания и не нарушает понимания общего замысла контекста) и частичное соответствие смысла и коннотативного облика паремии основной теме и оценочности масс-медийного текста (при наличии или отсутствии омонимии личных имен): «Бог – не Яшка! Видит, кому тяжко! В Москве зарегистрирован Фонд Якова Блюмкина. Естественно, «благотворительный»...маскирует свои действия по захвату власти и возвращению еврейской собственности на Украине, злодейски отнятой большевиками после 1917 года у лучших людей Российской империи» (из газ.).

Существует определенная закономерность расположения цитируемых паремий в структуре публицистического текста: паремии используются в заголовке, основной части текста, в заголовке и основной части текста, реже - в заключении. Пословицы, расположенные в заголовке и напечатанные большим и жирным шрифтом, использующие графические маркеры выражения оценочности и смысловых оттенков паремий, напр., смайлы и эмоджи, суммируют содержание газетной или журнальной статьи, создавая при этом сильную эмоциональную картинку («У ВСЯКОГО ФЕДОРКИ СВОИ ОТГОВОРКИ) Как проводить время с пользой и...ленью 😊»). При этом несемантизированное имя собственное номинирует конкретного референта, а ситуация, описываемая в паремии, является вполне обычной для настоящей действительности и может описываться в ироническом ключе.

Трансформированная паремия всегда имеет прототип - классическую паремию, которая в массмедийном дискурсе подвергается разного рода модификациям, не приводящим к серьезным

семантическим преобразованиям. Имена собственные в составе трансформированных паремий сохраняются и, как и в составе традиционных русских пословиц и поговорок, или не выделяют индивида, осуществляя функции обобщающей референции и типологизации, или называют конкретного человека, имя которого совпадает с именем пословичного персонажа. Исследование паремий в русском языке новейшего периода позволило выделить трансформанты, претерпевшие, во-первых, изменения лексико-фонетического характера, связанные с заменой паремийного компонента традиционной паремии на новый, подходящий по ритмическим особенностям и усиливающий экспрессивно-оценочный фон («Борис, не боись - борись! Если почитать Немцова в соцсетях - удручающая картинка складывается. Для Немцова, конечно же»; ср.: Борис, не со всяким борись!); во-вторых, изменения лексико-морфологического характера, связанные с заменой грамматических форм отдельных компонентов паремии («По Сенькам ли шапка: кто из кандидатов в генсеки СЕ предотвратит его развал»), и, в-третьих, изменения лексико-синтаксического характера, проявляющиеся в изменении модальности предложения («По Сеньке ли шапка? Разговора про Россию ждали от первой пресс-конференции Байдена? Разговора про Россию ждали от первой пресс-конференции Байдена») или структуры, идущем по пути расширения состава паремии за счет добавления элементов, принципиально не меняющих семантику паремии («Браво, Маша - радость наша! Мария Захарова: Выпущенные в Россию пули рикошетируют в Европу»), его сужения («Бог не Тимошка! Украинку, надругавшуюся над флагом России, выгнали из спорта»; «Послали Филиппа на липы... Сегодня во всех православных храмах среди прочих святых вспоминали и святителя Филиппа II) или создания непротиворечивых контаминированных высказываний (Но бог не Микешка, и шельму он метит ← Бог не Микешка, у него своя книжка + Бог шельму метит). Могут наблюдаться случаи сокращения паремии до отдельного образа, формируемого раритетным «говорящим» антропонимом («Бедный макар! Даже наши либералы его презирают... Мосгорсуд отменил решение о взыскании 500 тыс. рублей с публициста Александра Проханова за обвинения в адрес музыканта Андрея Макаревича «в воодушевлении украинских военных своим выступлением на Донбассе бомбить Донецк»).

В отдельных случаях сокращение компонентов в составе антропонимической паремии может приводить к появлению паремии без антропонима (На ООН надейся, а сам не плошай. На власть надейся, а сам не плошай и др.). Кроме того, синтаксические модификации могут быть связаны с изменением грамматических

характеристик конструкции («*Эй, Иван, береги карман! О разных видах телефонного мошенничества говорено-переговорено...*»; ср.: Люби Ивана, да береги карманы!).

В трансформированных паремиях, создаваемых журналистами, используется раритетное имя собственное, которое, как и в традиционных паремиях, является несемантизированным или может обнаруживать контекстуальный персонафицированный характер, если совпадает с именем героя публикации. Подобные трансформации обуславливают незначительные изменения эмоционально-оценочного характера, не затрагивая кардинально денотативный компонент значения. Безусловно, границы между подобными разновидностями являются достаточно условными, поскольку чаще всего изменения затрагивают более двух уровней языковой системы.

Наряду с преобразованием формы паремий может меняться содержание паремий, что приводит к возникновению новых языковых единиц, или неопаремий, которые отличаются смелостью комбинаций приемов и неожиданностью получаемых смыслов и представлены четырьмя разновидностями:

1) антропонимические паремии, образованные по моделям «русская классическая паремия + имя собственное → антропонимическая паремия» (*Старый Трамп борозды не испортит, да и глубоко не вспашет. Что Штатам хорошо, то Европе Шольц. Байден с возу - Европе легче*) и «русская классическая паремия + имя собственное А1 + имя собственное А2 (+ имя собственное А3) → антропонимическая паремия» (*Байден Трампа не слаще. С Трампом поладишь - медку достанешь, а с Камалой свяжешься - в навозе окажешься*). Единичными примерами представлены новые антропонимические паремии, которые образованы на базе паремий без антропонима и претерпевшие изменение модальности за счет введения в ее структуру отрицательной частицы, что приводит к актуализации новой информационной нагрузки и созданию нового переносного значения деформационной единицы (*Смеется тот, кто не Порошенко!*). Образование пословиц представленной группы может сопровождаться изменением модальности и грамматических характеристик компонентов высказывания.

2) новые паремии, сохраняющие структурные особенности традиционных классических паремий, однако включающие в свой состав лексические единицы, номинирующие новые понятия современной эпохи (*Богат Ермошка - есть в ЖК постов немножко. Федул всех в DOOM надул, а Фетис на лепре повис*). Подобные неопаремии могут сохранять раритетный антропоним при включении

нового словесного знака, могут менять раритетное имя собственное на современное (*Хороша Амалия, да широка талия*). Некоторые классические паремии со словом Бог преобразуются в неопаремии с именами политиков (*На Трампа надейся, а сам не плошай. На Шольца надейся, а сам не плошай* и др.), а некоторые меняют имя Бог на фамилию российского президента (*Путин в дом – счастье в нем. Путин дал, Путин и взял. Путин даст день, Путин даст и пищу*).

3) новые антропонимические пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий либо заведомо приземленными их вариантами построены по моделям деформационных процессов, связанным с отсечением части известной пословицы и добавлением нового суждения (*На Бога надейся, а сам маску надень; Хороша Маша, да жена – Наташа*) или объединением двух усеченных пословиц в одну новую с ироничным содержанием (*У фрилансера Емели семь пятниц на неделе: день гуляет, два больной, а на третий ← У ленивого Емели семь пятниц на неделе + День гуляет, два больной, а на третий выходной*). Образованные в результате применения деформационных стратегий неопословицы часто ситуативно детерминированы, но в то же время обладают полифункциональностью и могут быть применимы к разным ситуациям реальной жизни.

4) новые антропонимические паремии, не имеющие структурно-семантического классического прототипа, однако напоминающие классические пословицы по синтаксису и/ или ритмико-интонационным особенностям (*Заплатил Фекул все налоги, да протянул с голодухи ноги. Нашего Ивана не сдернешь с дивана*); имя и/ или фамилию известной в определенную историческую эпоху личности (*Кому Касперский — Илон Маск, тому и Басков — Джон Леннон*) (рис. 2)

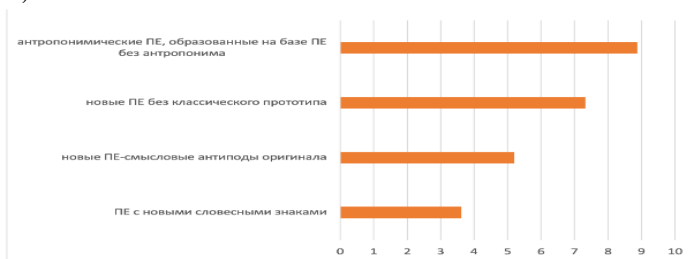

Рис. 2. Типология неопаремий с антропонимами

Как правило, антропонимы в неопаремиях представляют собой имена, фамилии или псевдонимы известных в современной жизни людей, прежде всего политиков, спортсменов, актеров, общественных

деятелей (*Жириновский Трамп через океан видит. Пентагону Ллойд не дорог, жаль Урсула не уролог. Коммерсант без тачки, что Плисецкая без пачки*), реже - имена персонажей художественных произведений и/или кино-, мультипликационных фильмов (*Своя Машенья ближе к телу. Из двух Золушек выбирают меньшую*). Имена и фамилии политических деятелей как важнейшие элементы в структуре антропонимических неопаремий используются в качестве мощного средства создания политического портрета, а их преобладание в современном неопословичном антропонимиконе отражает одну из важнейших тенденций развития паремиологического фонда современного русского языка, связанную с процессами политизации языка как значимого явления в русском языке и жизни российского общества (рис.3).

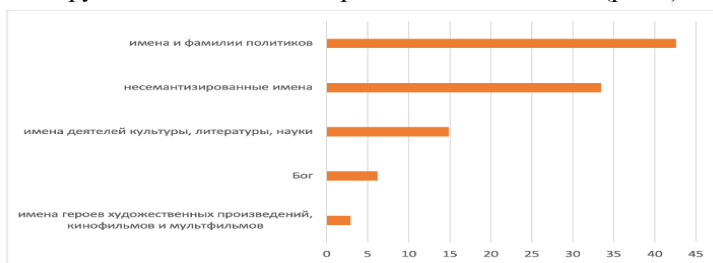

Рис. 3. Виды антропонимов в неопаремиях

Новые паремии с антропонимическим компонентом не только демонстрируют неисчерпаемые возможности русского языка и народного творчества, но и отражают реальное отношение российского гражданина к негативным явлениям современной действительности (наркомания, зависимость от социальных сетей: *Оторвали Мишке нос, чтоб не пыхал дихлофос. У хипстера Сережи одежды две рогожи: будет есть мякину, а купит молескину*) и событиям общественно-политической жизни в стране и за ее пределами (*Если Янукович у власти -- это к Майдану*). В новых паремиях отражаются черты, свойственные сознанию современного русского человека: снижение уважения к святым (*Не Боги в горшки отливают*), внимание к физической красоте (*Хороша Яна, но она с изъяном*). Процессы образования новых паремий во многих случаях отражают чрезмерную вульгаризацию современной речи (*Хороша Зулфия, на не понимает ни...чего*), что происходит, как правило, при вербализации табуированных тем.

Активные процессы, происходящие в паремиологическом фонде русского языка и связанные с цитированием, преобразованиями паремий и образованием новых речевых единиц, сопровождающиеся открытостью их рядов и высоким уровнем вариативности компонентов (в первую очередь имен собственных), свидетельствуют, на наш взгляд,

о безусловной жизненности исследуемого фрагмента провербиального пространства.

В **заключении** диссертации обобщаются полученные результаты, формулируются основные выводы и намечаются **перспективы** дальнейшего исследования роли паремических единиц, которые видятся в продолжении изучения паремиологического фонда русского языка с привлечением фразеологического и афористического материала, в том числе в рамках сопоставительных изысканий и в аспекте лексикографического описания; в изучении процессов лингвомоделирования витальности антропонимикона паремийного фонда и расширения ассоциативного значения у антропонимических компонентов в составе паремий, а также исследовании воздействия паремии с антропонимическим компонентом как манипулемы с явной и/ или скрытой агрессией в современной коммуникации.

В двух **приложениях** представлены списки русских классических паремий и неопаремий, используемых в работе.

**Основные положения диссертации изложены
в следующих публикациях:**

Научные работы, опубликованные в изданиях, определенных ВАК

1. Заварзина Г.А., Буасаенг Раттанапорн. Паремиологическое пространство современного русского языка (на материале пословиц и поговорок с антропонимическим компонентом) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (291). С. 178-182.

2. Буасаенг Раттанапорн. О «паремиологическом эссенциуме» русского языка, детерминированном эпохой XXI века // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 2(4). С.32-36.

3. Буасаенг Раттанапорн. Особенности семантики паремий с антропонимическим компонентом в современном русском языке XXI века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2023. № 7. С.128-131.

Научные работы, опубликованные в других изданиях

4. Буасаенг Раттанапорн. Паремии-трансформы с антропонимическим компонентом в русском языке новейшего периода // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителя-филолога: сборник материалов конференции. Воронеж: ВГПУ, 2021. С. 202-204.

5. Заварзина Г.А., Буасаенг Раттанапорн. Паремия и паремиологическая картина мира: к вопросу определения понятий // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ВГТУ, 2025. С.78-82.